

М. Д. Мальков

«А для чего тогда жить, если людям не доверять?»

Разговоры о социальных связях в Малоярославце

Максим Дмитриевич Мальков — слушатель магистерской программы «Фундаментальная социология» Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка).
Электронная почта: mss2201002@universitas.ru. **Телеграм:** @mdmalkov.

Аннотация: Статья посвящена анализу социальных связей жителей Малоярославца. Кому доверяют жители города? С кем проводят время? Что сами хотят рассказать? Эмпирическая база работы — корпус интервью, которые наша исследовательская команда из Шанинки взяла за один день в Малоярославце и в селе Недельное, а также множество заметок, разговоров и обсуждений. Текст написан в жанре автоэтнографии — в нём нет попыток упорядочить и классифицировать опыт информантов, дать ему однозначную интерпретацию. Напротив, в тексте возникает все больше вопросов о сложных и противоречивых отношениях между людьми в небольшом городе, о самой методологии исследования и о том, что значит писать о себе, но не про себя.

Ключевые слова: автоэтнография, полевые заметки, Малоярославец, социальный капитал, социальные связи, этнографические интервью

Для цитирования: Мальков, М. Д. «А для чего тогда жить, если людям не доверять?» Разговоры о социальных связях в Малоярославце // Пути России. 2023. Том 1. № 1. С. 17–27.

В ШАНИНКЕ ЗАКОНЧИЛСЯ КУРС полевых исследований. Мы много рефлексировали, обсуждали методологию, проводили тренировочные интервью. К концу курса стало понятно: говорить о методах важно, но ещё важнее ими пользоваться, тестировать их границы и возможности. Решено: организуем инициативный однодневный выезд в Калужскую область, в планах — разговор о социальных связях и социальном капитале жителей малого города. Одни поехали в село Недельное на машине, другие в Малоярославец на электричке. Я оказался среди других, гуляющих по незнакомому, другому городу, разговаривающих с другими, удивляющихся другим. Настоящий текст описывает день, проведенный в поле, с его удачами и разочарованиями, всем тем, что сопутствует полевому интервьюеру, который обращается с вопросами к незнакомым людям.

Около 9 утра, едем в электричке в Малоярославец

Настроение у всех приподнятое, но иногда ненароком кто-то задаёт вопрос: «А что мы делать-то будем»? По пути понимаем, что вопросов в гайде почти нет, исследовательские задачи довольно смутные — ну, ничего, так даже лучше, будем действовать по ситуации. Решаю пройтись по поезду и попробовать поболтать с пассажирами, прохожу мимо сидений и судорожно выбираю, с кем бы заговорить. Туда-сюда, неудачное возвращение, а коллега уже беседует с женщинами с соседних сидений. Мы всю дорогу обсуждали предстоящую полевую работу, а эти женщины активно слушали наши рассуждения, с любопытством поглядывая в нашу сторону.

Решаю, что стоит всё же рискнуть и подойти к другим нашим соседям — парочке солидно выглядящих пенсионеров. Спрашиваю: «Подскажите, пожалуйста, а вы едете в Малоярославец?» Они вскакивают, женщина в суматохе говорит мне: «Нет-нет, не в Малоярославец, да и мы уже уходим» — и резво бегут в другой вагон. Видимо, я их напугал. Один из важных уроков поездки — нужно чаще улыбаться, поскольку в спокойном расслабленном состоянии на моём лице торжествуют угрюмость, бесчувственность и апатия (хотя это вовсе не так!). Наверняка, такие лица слегка отпугивают людей, особенно, если учесть, что это незнакомое лицо внезапно вторгается в их жизнь с расспросами.

Ведём с коллегами дискуссию о гайде — зачем его вообще писать, если вопросы всегда переформулируются в ходе интервью, разговор принимает неожиданные повороты, истории не хотят аккуратно наполнять заготовленные концептуализации? А кого мы едем изучать? И едем ли мы «изучать»? Кто для нас «жители Малоярославца»?

По плану — исследование социального капитала, то есть совокупности связей и отношений человека с другими людьми, которые обладают разной степенью интенсивности [Adler, 2002]. Большое количество социальных связей может влиять на снижение смертности, меньшую склонность к депрессии или одиночеству, на субъективно оцениваемое благополучие [Alfano, 2022]. Понятие «социальный капитал» критикуется за вшитую в него экономическую оптику, через которую рассматриваются человеческие взаимоотношения, поэтому в рамках исследования я скорее фокусируюсь на том, как сами информанты описывают свои взаимоотношения с другими людьми, вместо того чтобы интерпретировать их слова в соответствии с существующими теориями социального капитала.

Мы с коллегами не «выдергиваем из интервью цитаты информантов, подтверждающие нашу гипотезу», а скорее пытаемся создать нарратив, в котором слова информантов «говорят сами за себя» [Здравомыслова и др., 2022, с. 13]. Пользуясь методологией автоэтнографических исследований, я не утверждаю, что текст объективно отражает «социальную реальность», «взаимоотношения людей в городе» и пр. Поскольку «то, что мы видим в других, раскрывает информацию о нас самих» [Rodriguez-Doras, Diaz, 2023, p. 75], этот текст — попытка балансировать на границе между рефлексией над методами качественных исследований, осмыслением опыта других людей в связке с личным опытом интервьюера (меня) и самим процессом производства текста о социальных связях. Кому доверяют люди, с кем взаимодействуют, как проводят время с близкими. Хотя, мы-то, конечно, понимаем, что главный вопрос — доверятся ли они нам?

Утро, в районе 11, в Малоярославце ливень

Мы выходим из электрички, разделяемся на две команды — одна идет в монастырь, другая (наша) в галерею. В картинной галерее Сергея Бауэра начинаем первое интервью. Вернее, сначала откровенно раздражаем даму, которая там работает и судя по всему, чаще всего является единственной посетительницей галереи. Мы задаем вопросы, а она неохотно отвечает. Но наши вопросы не кончаются, она постепенно вовлекается в разговор. Ненадолго перестает быть работницей музея и становится простой женщиной со своими проблемами, радостями и тревогами. Рассказывает про близких, город, но больше всего ей нравится рассказывать про художественные стили любимых авторов и встречи местной интеллигенции.

Люди уезжают, за городом никто не следит. А где люди проводят время в городе? Все либо едут на работу в Москву или Обнинск, либо

сидят дома. По словам информантов, молодёжи нечего тут делать, разве что можно сходить в кальянную. Нет даже торгового центра, а кинотеатр местный ни на что не годится.

Администрация не может ничего делать. Администрация ссылается на область. Область ссылается на безделье (мужчина, 55 лет).

Все в целом довольны жизнью: с легкой печалью и улыбкой отвечают: «Ну, как, в принципе, нормально живется». Затем, правда, следует список жалоб, горестей, обид на администрацию и политиков, злых людей, низкие зарплаты, разбитые дороги и плохую медицину. Никто не заявляет в своих самоописаниях, что им лично живётся плохо. Плохо рядом: в городе, стране, среди других людей, — по цепной реакции комментируются все источники неудовольствия. А где хорошо?

Раньше, в советские времена, я помню, когда ещё была ребёнком, маленькой девочкой, были спокойные, ну, то есть, оборудованные места, чтобы можно было на речке той же отдохнуть (женщина, 45 лет).

Младшая у меня вообще очень любит маленьких детишек, она прямо с ними играет, возится с ними. То есть так они общаются. Я говорю у меня дети выращены, как меня растили в Советском Союзе, так хорошо (женщина, около 55 лет).

Это в Союзе нам не давали информацию — хорошо, спокойно жилось, только хорошее по телевизору. Людей ограждали от стресса (мужчина, около 40 лет).

После интервью понимаю, что нужно было больше спрашивать людей про их воспоминания о детстве, молодости. Хотя многие сами начинают рассказывать о прошлом, иногда с такими деталями и подробностями, что их истории кажутся заготовленными. Эти истории — скольжение по фрагментам индивидуального прошлого, причудливая игра с местами, людьми, событиями, которые внезапно оживают в рассказах и рисуют портрет не человека, но времени. Светлана Бойм выделяет два вида ностальгии, которые отражают отношение людей к прошлому: реставрирующую и рефлексирующую. Реставрирующая ностальгия проявляется в националистическом дискурсе, она настойчиво «предлагает восстановить утраченный дом и заполнить пробелы в памяти», а рефлексирующая «обитает в тоске и потере, в несовершенном процессе припоминания» [Бойм, 2021, с. 103]. Результат деятельности первых ностальгирующих можно наблюдать сегодня по новостям, но нас больше волнуют вторые — люди, «лелеющие разрозненные осколки памяти» [Бойм, 2021, с. 118].

Советский союз стал утопией, причем в самом настоящем, платоновском смысле этого слова: идеальным местом, которого нет. Сейчас по Советскому Союзу ностальгируют как те, кто жил тогда, так и те, кто родился намного позже. К примеру, исследователи музыки отмечают популярность жанра *sovietwave* — музыканты, которые играют под этой рубрикой и используют эстетику и визуальные образы советского прошлого, зачастую никогда не жили в СССР¹. Их искусство — «об утопической стране, которой не было. Об „идеальном“ СССР — причем не том, что был сконструирован в советских агитках, а некоем СССР из параллельного мира. Тщательно обезвреженном, стерильном и всем понятном» [Белецкий, 2020, с. 43]. В 2023 году компьютерная игра «Atomic Heart» стала лидером продаж во всем мире: действие там происходит в альтернативной вселенной, где в нераспавшемся СССР массово производят высокотехнологичных роботов. Жители Малоярославца ностальгируют не по роботам, которых не было, а по застывшей фотографии с отпечатком их детства. Малоярославец — «город для пенсионеров»:

Вот знаете, если вот как-то ребята умные, которые есть, допустим, учатся, да, они многие не возвращаются сюда. Потому что у нас больше, наверно, мне кажется, уже город для пенсионеров (женщина, 45 лет).

Многие живут своими огородами, выращивают что-то на участках. Мои собеседники часто отмечают, что особенно ни с кем не общаются, проводят время в кругу семьи или вовсе одни. А затем внезапно выясняется, что кто-то помогает незнакомым старушкам, кто-то устраивает бесплатные чаепития в музее, кто-то организует спортивные мероприятия для лыжников и велосипедистов. В Малоярославце люди не ищут через «слабые связи» работу, по ним не распространяется «информация об инновациях» [Гранновтер, 2009] — для этого есть паблик «Типичный Малоярославец». Лично, из рук в руки передается взаимная, иногда безвозмездная помощь, которая связывает множество людей:

Многие прям, бабушек было ужасно жалко — на что мне жить, допустим? Кому-то там помогали, конечно. Звонили в сельские администрации, с дровами там что-то было помочь. Либо вот по заявле-

¹ «Деррида использовал первую фразу одного из английских переводов „Манифеста коммунистической партии“: „A spectre is haunting Europe — the spectre of communism“. Соответственно, в „Призраках Маркса“ под хонтологией подразумевается внеисторическое существование идеи коммунизма, которая „всегда“ (отсюда *ontology*) „преследует“ (haunting) мир» [Кобрин, 2020].

нию там брали уже чисто вот... Созванивались с Калугой, чтобы человек на что-то жил. То есть не 50% с пенсии чтобы забирали, а 20% (женщина, 45 лет).

Около трёх дня, сидим в музее «Назад в СССР»

Квинтэссенция советской символики, играет Алла Пугачева, и мы, сидя с коллегами у русской печки (инициатива работницы музея), переносимся во вневременное измерение. В музей периодически заходят люди в поисках работников, которых в музее в этот момент почему-то нет: вход в музей свободный, никто никого не контролирует. Пустой музей СССР, в котором под тихую музыку со стен смотрит Сталин, а в соседних комнатах женщина сортирует вещи, которые жители Малоярославца пожертвовали на СВО. Таких пунктов сбора вещей в городе несколько. Женщина, которая разбирала принесённые жителями вещи, устало спросила, почему она должна мне доверять и отказалась давать интервью: «У нас в жизни ничего особенного, лучше сходите в благотворительный фонд „Милосердие“, они вам много расскажут». Несмотря на декларируемое недоверие, женщина посоветовала ещё несколько мест и пожелала удачи.

«Первый канал» играет в домах, в цветочном магазине — новости нон-стоп. К украинским событиям относятся по-разному. Можно выделить несколько реакций: например, стирание различий между народами — все мы люди, никто не должен умирать:

Знаешь что, я гражданка России, что хочешь говори, молдаване тоже люди, украинцы тоже люди, кто знает то, что такое война, — тот знает. Мы между ними не знаем, кто прав, кто виноват. Наверху кто — знает, и тот разделит, кто прав, кто не виноват (женщина, 92 года).

Одни считают, что несмотря на тяжёлое время, рост цен, низкие пенсии, Россия — это родина, дом, который нужно защищать. Другие обижены на власть — почему так долго, почему люди умирают, почему ещё не победа. Большинство поддерживает специальную военную операцию (СВО), но каждый поддерживает по-разному и разное.

С одной женщиной шёл очень приятный разговор. Беседовали расслабленно, и я чувствовал к ней симпатию: к тому, как она улыбается, рассказывает о своём сыне и о любимых местах в городе. Разговор сам заходит об СВО, она рассказывает о знакомых, которых мобилизовали. А потом говорит, что сама пошла бы воевать, защищать территории. Дальше пара хорошо знакомых фраз из телевизора. Я не

знаю, что я чувствую в этот момент. Должен ли интервьюер чувствовать эмпатию, сближаться с информантом? Или предпочтительнее отстраненный взгляд, отсутствие внутренних эмоциональных реакций на ответы? Перенос инструментария стандартизированных интервью в глубинные, думаю, невозможен. Живой и насыщенный разговор не состоится, если относиться к ответам респондента как к набору фактов, которые нужно расфасовать и обобщить. Да и не получается отстраниться ни от симпатии к информантке, ни от полного неприятия некоторых её суждений. Эмпатия, но без принятия; понимание, но без поддержки.

Многие люди ходят на выборы, голосуют за действующую власть. При этом критикуют все властные структуры города и социальную политику внутри страны. Голосование становится ритуалом, который отвязан от своей практической цели, он становится самоценным. Стоит отметить, что люди не проводят связку «мое решение — выбранный политик — его/её решения», то есть люди не считают, что их голос что-то поменяет, не считают, что их голос поощряет решения, принятые политиками, за которых они голосовали. Им просто некогда оценить, насколько действия политиков соответствуют ожиданиям, стоит ли голосовать за него/её ещё.

Мне, честно говоря, некогда обращать внимание [на принятые решения], потому что у него вот мои... у меня забот полный рот (женщина, 60 лет).

Чтобы сделать что-то хорошее в городе, по мысли информантов, необходимо справиться с единственной преградой — администрацией, которая блокирует все инициативы. Разбитые дороги, заброшенные парки:

На каблуках не пройти, ноги сломаешь (женщина, 45 лет).

Почему важны общественные пространства? Множество исследований посвящено тому, как городские публичные пространства отражают историю города, расстановку социально-экономических сил, уровень развития демократии, локальные идентичности, силу связей между различными социальными группами, гендерное неравенство и многое другое [Лоу, 2016; Low, 2023; Kern, 2019]. Одно из таких пространств в Малоярославце — это городской парк, про который рассказывали многие местные жители. Один из информантов, увлекающийся лыжами и велоспортом, за свои деньги хочет благоустроить парк, привлечь в город спортсменов и туристов.

Парк посажен в честь столетия победы над французами в 1915 году при императоре, значит, Александре I. Но после развала

Советского СССР он был вообще заброшенный. Половина дубов уже высохли. Ну, за ним нет ухода абсолютно, да. Ну, как-то у нас не получается сделать его, значит, мы не хотим его приватизировать или выкупить и так далее, да. Просто хотим делать для людей... Для людей, чтобы было где заниматься, где тренироваться» (мужчина, 55 лет).

Около пяти часов, мы устали и хотим есть.

Пишу заметки об интервью в блокнот

В середине дня я выработал стратегию. Подхожу к людям и начинаю издали: так и так, приехали из Москвы делать исследование, нам интересно, как живут люди в Малоярославце. Может быть, вы знаете, где можно пообщаться с местными жителями? Какие-то места, где их можно найти? А потом ненароком спрашиваю у них, не являются ли они сами местными. Ах, местные! И начинается интервью.

В группе работать сложно, для групповой работы нужно хорошо знать друг друга, знать сильные стороны каждого из участников/участниц. Иначе полная неразбериха. Поэтому большую часть интервью я проводил один. Когда в голове (и в ноутбуке) практически нет вопросов, то возникает нервное состояние: «А что же спросить дальше». Но есть и плюсы. Иногда лучшая стратегия — просто молча кивать, улыбаться. Один из информантов начал монолог ещё до того, как я что-то спросил. Людям хочется выговориться, у них словно есть заготовленные истории, сюжеты для разговора. Информантка в музее на просьбу об интервью ответила, что она очень устала, сейчас не сможет побеседовать. А в следующую секунду встала в дверях и почти монологом полчаса рассказывала о своей жизни, детстве, родственниках, болезнях и работе.

Одна из информанток в середине интервью сказала, что теперь её очередь задавать вопросы. Я сам вдруг стал информантом. Во время интервью с этой женщиной, продающей мёд на улице, к нам подошел мужчина и начал спрашивать у неё про виды мёда. Он несколько раз переспрашивал, точно ли мед хороший — моя информантка написала ему на листочке бумаги телефон и сказала позвонить, если мёд не понравится, чтобы они могли встретиться и поменять его. После того, как он купил мёд, я решил спросить у него, не хочет ли он дать интервью — «с незнакомым не очень-то хотелось». Когда он отошел, женщина прокомментировала его реакцию:

Вот видите, люди разные. Люди, которые чего-то боятся, у них страх внутри сидит и, естественно, они этот страх к себе и притягивают. Вот, например, ребёнок. Он идёт, он не боится упасть, у него

в голове ещё не засорено, он не боится упасть, не боится попросить. А когда он начинает взрослеть, школа, социум, начинают в него влиять. Тихие говори, не кричи, в школе сиди ровно. И человек просто боится иной раз подойти к людям и спросить что-то (женщина, 50 лет).

Мы с информанткой уже как будто вместе были исследователями, анализировали уровень доверия жителей города — она словно сама оказалась в позиции аналитика. Это сразу сломало барьер: она рассказала много историй, обменялись контактами. Однако после поездки возник сложный этический момент: женщина писала и продолжает писать в ватсапе, и я не знаю, как мне поддерживать с ней общение.

В процессе разговоров возникало две коммуникативные проблемы: неопределенный статус интервьюера для информантов и поломки коммуникации вследствие непроясненности «правил игры» интервью [Рогозин, Яшина, 2007]. В начале все люди настороженно относятся к вопросам, пытаюсь понять, кто перед ними: мошенник, журналист, турист? Ими интересуются или проверяют, подозревают в чем-то? Как им отвечать на вопросы, сухо и серьезно или можно делиться откровенными историями, шутить? В течение дня произошло два любопытных случая. Дважды информантки меняли свои роли в процессе беседы и принимали позицию исследователя, начинали рассуждать о силе социальных связей в городе, начинали сами анализировать свои же истории.

Вечер, едем в электричке в Москву, продолжаю писать заметки

Периодически болтаю со старушкой-соседкой, она жалуется на большие расстояния между платформой и спуском из вагона — с большими коленями сложно выходить из поезда.

Нельзя сказать человеку: «Максимально расслабьтесь, выходите из своей социальной роли экскурсовода, администраторки или продавца в цветочном магазине. Расскажите нам всё, что вас волнует, не опускайте детали, можем вместе посмеяться и всплакнуть, главное, не воспринимайте это как допрос или проверку». Иначе всё было бы слишком просто. А как начинать разговор? В начале проговаривать формальную часть, и потом пытаться перевести интервью в формат неформального разговора? Или сразу задавать вопросы, как будто встретились два старых друга? В первом случае разговор может проходить слишком формально, во втором — закончиться слишком быстро, поскольку человек не понимает, что от него ждут.

Я понял, что не стоит бояться задавать простые вопросы. Сначала мне казалось странным спрашивать что-то вроде: «А люди — они вообще хорошие?». Но на такие вопросы я получал очень глубокие ответы. Сам я на аналогичный вопрос моей информантке ответить не смог. Иногда я упускал важные моменты. Одна из информанток дважды упомянула своего сына инвалида², но я не знал, как корректно расспросить её о нем. Спрашивать оказалось и не нужно — она сама начала рассказывать о сыне, о сложностях с медициной (частый сюжет во многих интервью), о том, как ей приходится самой заниматься его образованием, о поездках к дорогостоящим врачам.

Качественные исследования всегда обвиняют в том, что они ничего не доказывают. А что должны доказывать исследования? Концептуальные модели рушатся, люди оказываются куда интереснее, противоречивее, глубже, ярче тех ролей, которые мы заготавливаем для них в библиотеках. В сущности, эти разговоры — терапия для интервьюера и информанта. Да, мы можем узнать истории о городе, неожиданные сюжеты, связанные с отношениями между горожанами или наткнуться на биографии, которые достойны книжных полок (или, вернее, книжные полки достойны этих биографий). На деле мы ловим ту самую социальность, которой нет ни в макроструктурах, ни во взаимодействиях людей. Бруно Латур пишет, что социальное — это «название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы». [Латур, 2014, с. 92]. Не существует никаких предзаданных «социальных» групп или феноменов, социальное — это не резервуар, содержащий людей и вещи, и не смазочное масло между ними, не прослойка, которая находится между всеми сущностями. Социальное — это вспышка, короткий миг, внезапная коллективность, которая ситуативна, локальна и незаметна. В этом тексте я сам пытался уловить эти вспышки, зафиксировать опыт взаимодействия с людьми в процессе разговоров об их жизни и городе. Так и прошел один день в Малоярославце в разговорах с людьми, а следом череда дней в Москве за написанием этого текста.

Литература

1. *Adler, P.S., Kwon S. W.* Social capital: Prospects for a new concept // *Academy of management review*. 2002. Vol. 27. No. 1. P. 17–40.
2. *Alfano, V.* Does social capital enforce social distancing? The role of bridging and bonding social capital in the evolution of the pandemic // *Economia Politica*. 2022. Vol. 39. No. 3. P. 839–859.

² Я использую тот термин, который использовала сама информантка.

3. *Kern, L.* Feminist city: A field guide. New York: Between the Lines, 2019.
4. *Low, S.* Why Public Space Matters. Oxford: Oxford University Press, 2023.
5. *Rodriguez-Doras, E., Diaz, D.M.* Mi amigo Giovanni: A digital engagement of friendship, community and queer love through a zoom performance // *Crafting Autoethnography: Processes and Practices of Making Self and Culture* / Ed. by J. Goode, K. Lumsden, J. Bradford. New York: Taylor & Francis, 2023.
6. *Белецкий, И.* Будущее в прошедшем: три сюжета об утопии и ностальгии в постсоветской музыке // *Новая критика: Контексты и смыслы российской поп-музыки* / Под ред. А. Горбачева. М.: Институт музыкальных инициатив, 2020.
7. *Бойм, С.* Будущее ностальгии / Пер. с англ. А. Стругач. М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2021.
8. *Грановеттер, М.* Сила слабых связей / Пер. с англ. З.В. Котельниковой; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-50.
9. *Здравомыслова, Е.А., Ярская-Смирнова, Е.Р., Омельченко, Е.Л., Штейнберг, И.Е.* Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2022. Т. 14. № 1. С. 9-32.
10. *Кобрин, К.Р.* Стало хуже, но есть надежда // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2020. № 4. С. 327-340.
11. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
12. *Лоу, С.М.* Пласа: политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискина; под ред. А. Мороз. Москва: Strelka Press, 2016.